

**ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
МЫ-ОБРАЗА ЭТНОСА*****С.В. Абрамова****

Человеческое восприятие мира избирательно. Уже в силу своих физиологических возможностей человек не воспринимает многое из того, что происходит в природе. Но человек умудряется не воспринимать или воспринимать с искажениями даже то, что доступно ему по физиологическим параметрам. Воспринимая окружающий мир, человек всегда истолковывает и осмысливает его, пытается систематизировать, упорядочить свои знания и представления о действительности. Фрагменты социального опыта «осаждаются» неповторимым образом, образуют уникальную конфигурацию, формируя в результате индивидуальный субъективный мир. По словам С. Минухина, «индивид, еще в раннем детстве научившийся воспринимать реальность, преподносимую ему как объективную, создает себе светофильтры, которые останутся с ним на всю жизнь» [4, с. 210].

Как полагал Л.С. Выготский, развивая мысль Фрейда о социальной детерминации сознания, «социальному моменту в сознании принадлежит временное и фактическое первенство. Индивидуальный момент конструируется как производный и вторичный, на основе социального и по точному его образцу» [1, с. 96]. Высшие психические функции, по его мнению, социальны по происхождению и по форме, их формирование происходит только через использование слова. И в теории Фрейда механизм формирования высшего уровня психики, доступ в сознание детерминирован наличием или отсутствием потенциальной связи с языком: «Различие между бессознательными и предсознательными представлениями заключается в том, что первое совершается при помощи

* Статья подготовлена в рамках работы над кандидатской диссертацией под руководством профессора, д-ра психол. наук. З.И. Рябикиной.

** Абрамова Светлана Викторовна — ассистент кафедры психологии Кубанского государственного аграрного университета. Электронная почта: svigabramovy@mail.ru

материала, остающегося неизвестным, в то время как второе связывается с представлениями слов» [8, с. 429]. Ж. Лакан, убедительно доказавший, что бессознательное — это язык, и его [бессознательного] проявление определяется законами языка, подчеркивал, что психоанализ «вновь открыл в человеке императив Слова — закон, формирующий человека по своему образу и подобию» [2, с. 91]. Именно Лакан по-новому определил связь индивидуального бессознательного с коллективным бессознательным. В качестве универсального орудия, изменяющего психические функции, выступает языковой знак — слово, а механизм социализации преимущественно связан с усвоением языковых норм. Индивидуальное и коллективное бессознательное погружены в культуру. Поэтому от опосредованности восприятия системой значений и тем, что языки отличаются друг от друга, неизбежно приходим к тому, что у представителей разных культур формируются различные картины мира.

Чтобы научиться жить и успешно действовать в мире, человеку необходимо осознать представшую перед ним многомерную вселенную как умопостигаемое целое, по отношению к которому он будет самоопределяться, искать в нем свое место и прокладывать свои пути. Это невозможно в отсутствие обобщающей схемы мироздания и представления о месте своего нахождения в ней. Возможность создания такой схемы дает культура, которая несет в себе, по определению С. Лурье, «некий бессознательный комплекс представлений — упорядоченную и сбалансированную схему космоса, обеспечивающую возможность человеческой активности в мире, индивидуальном для каждого этноса» [3, с. 39].

Каждая этнокультурная общность людей создает свою модель мира. Эта модель мира воплощена в мифах, отражена в системе религиозных верований, воспроизводится в обрядах и ритуалах, закреплена в языке, материализована в планировке человеческих поселений и организации внутреннего пространства жилищ.

На основе культурной схемы и формируется этническая картина мира как неспецифический защитный механизм, поддерживающий внутреннюю целостность этноса, подобно тому, как индивидуальные защитные механизмы сохраняют целостность психики отдельного индивида. Этническая картина мира как «некоторое связанное представление о бытии, присущее членам данного этноса... выражается через философию, литературу, мифологию, идеологию и т.п. Она обнаруживает себя через поступки людей, а также через их объяснения своих поступков» [3, с. 52].

Каждое новое поколение получает в наследство определенную модель мироздания, которая служит опорой для построения индивидуальной картины мира каждого отдельного человека и одновременно объединяет этих людей как культурную общность. Иначе говоря, «общественно признанное мировосприятие придает форму реальности, которая, в свою очередь, придает форму личности» [4, с. 27]. Подобно тому, как индивидуальная картина мира, в которой

представленность себя самого и других структурируется в содержание Я-концепции и концепции Другого, основывается на этнической, а индивидуальное бессознательное — на коллективном бессознательном, так и индивидуальные защиты налагаются на этнические защитные механизмы и индивидуальные Я-концепции на содержание этнических констант.

С. Лурье определяет этнические константы как внелогические понятия, служащие каркасом этнической традиции. «Этнические константы составляют содержание “центральной зоны” этнической культуры. Именно они являются теми механизмами, которые снимают психологическую угрозу со стороны окружающего мира и дают члену этноса возможность действовать... Этнические константы не могут не включать следующие парадигмы: локализацию источника зла; локализацию источника добра; представление о способе действия, при котором добро побеждает зло» [3, с. 57]. Источник добра, по ее мнению, включает в себя несколько составляющих и, в частности, «образ себя». Однако, поскольку этническое сознание по своей сути коллективно, следовательно, «образ себя» — это Мы-образ; образ коллектива, способного к совместному действию. Содержанием «образа себя» является то, что именно член данного этноса принимает за свой базовый коллектив, что для него является коллективом. Поэтому мы полагаем, что через кросскультурное изучение «образа себя» этнических общностей, длительное время проживающих на одной территории, можно выйти на содержание этнических констант, а точнее, на общие приписываемые им характеристики и их диспозиции.

«Образ себя», как Мы-образ, не может быть однородным, он обязательно должен быть представлен образом мужчины и образом женщины, каждый из которых, в свою очередь, создается исходя из двух позиций: мужской и женской. Иначе говоря, образ женщины (как и образ мужчины) включает в себя представления женщин о самих себе и представления мужчин о женщинах. Если гендерные представления об идеальной (презираемой) женщине совпадают, создается благоприятная перспектива для со-бытия мужчин и женщин в этом мире. Если же образы друг друга диаметрально расходятся, со-бытие становится проблематичным.

Мы-образ любой этнос, как правило, строит через восприятие другого народа, через сравнение себя с другим. Иначе чем через дихотомию Мы Они содержание Мы из общей совокупности признаков не вычленивается. Это содержание «связывает всех “нас” потому что подчеркивает наше отличие от “них”» [9, с. 332]. Свойства, приписываемые другим, в большей мере отражают особенности той группы, которая их создает. Не только то, что «неприятно и болезненно воспринимается у себя, усиливается у других», но и то, что «ценится у себя, приумножается у других».

Исходя из предположения, что социальный стереотип есть образ социального объекта, не обусловленный объективными характеристиками последнего и всецело зависящий от воспринимающего субъекта, сформулируем проблему

данного исследования: благодаря проективным отношениям между Мы и Они Мы-образ должен изучаться с возможно большего количества точек зрения. Поэтому, чтобы выявить содержание образа женщины, проследить, что в нем меняется от поколения к поколению, а что остается неизменным, чем он отличается у представителей разных этносов и разных полов, данное исследование предполагает взглянуть на него с точки зрения:

- женщин и мужчин;
- поколения детей и поколения родителей;
- разных этносов, проживающих на одной территории.

Полагаем, что полученные результаты могут быть полезны при прогнозировании гендерных и этнических процессов, в области воспитания и психотерапии.

Цель нашего исследования — выявить содержание образа женщины, включенного в Мы-образ (т.е. этническую константу), посредством сравнения представлений различных социальных групп.

По мнению многих ученых [6; 7; 9], человек сегодня остро ощущает нестабильность окружающего мира, испытывает страх перед будущим, все больше склонен смотреть назад, искать поддержку в традиционных ценностях, а функции этнических констант как раз и заключаются в том, чтобы снимать психологическую угрозу со стороны окружающего мира. Поэтому основная гипотеза данного исследования формулируется следующим образом: образ идеальной женщины сегодня больше похож на образ женщины прошлого, чем на женщину будущего; направленность женского образа во времени различается у представителей разных поколений и разных этносов, но одинакова внутри одного поколения и одного этноса.

Образ женщины исследовался с помощью метода множественной идентификации, предложенного В.Ф. Петренко [5]. Этот метод включает описание другого человека через вероятность совершения им ряда поступков и базируется на предположении о том, что человек, определяя возможность совершения того или иного поступка, опирается на собственные установки и ценности и таким образом отражает их в своих ответах.

Для эксперимента было сформировано 8 групп сельских жителей по признакам этнической принадлежности (адыгейцы и русские), возраста (дети и отцы/матери) и пола: 1) русские девушки в возрасте от 17 до 22 лет; 2) адыгейские девушки в возрасте от 17 до 22 лет; 3) русские матери в возрасте от 40 до 43 лет; 4) адыгейские матери в возрасте от 40 до 43 лет; 5) русские юноши в возрасте от 17 до 23 лет; 6) адыгейские юноши в возрасте от 17 до 23 лет; 7) русские мужчины в возрасте от 40 до 44 лет; 8) адыгейские мужчины в возрасте от 40 до 44 лет. Группы формировались несистематически во время приема документов у абитуриентов Кубанского государственного аграрного университета в мае–июле 2004 г.; опрашивались сами абитуриенты и их родственники.

Экспериментальный план позволил получить восемь образов: образ русской женщины глазами русских (мужчин и женщин), образ русской женщины глазами адыгейцев (мужчин и женщин), образ адыгейской женщины глазами русских (мужчин и женщин), образ адыгейской женщины глазами адыгейцев (мужчин и женщин). Каждый из этих образов представлен взглядами двух поколений – детей и родителей.

Процедура исследования. Испытуемые оценивали вероятность совершения каждого поступка по шестибальной шкале от 0 до 5 (0 — абсолютно невозможно; 5 — стопроцентная вероятность) со следующих ролевых позиций: 1) я сама; 2) моя мать; 3) идеал женщины с «моей» точки зрения; 4) идеал женщины, принятый в обществе; 5) женщина 20 лет назад; 6) женщина через 20 лет; 7) презираемая мной женщина; 8) русская (для испытуемых адыгейцев); адыгейка (для испытуемых русских). При опросе мужчин оценки давались, начиная со второй позиции.

Результаты суммировались в восемь общегрупповых матриц, далее с помощью корреляционного анализа определялось сходство или различие полученных образов. В каждой соответствующей графе матрицы на пересечении ролевой позиции и поступка могли стоять числа от 0 (если ни один из испытуемых ни приписал ни одного балла данной ролевой позиции по данному поступку) до 100 – максимально возможной суммарной оценки в женских группах (или до 75 – максимально возможной суммарной оценки в мужских группах).

1. Русские и адыгейские девушки

Сопоставление матриц для женских групп испытуемых (первая цифра в скобках соответствует данным русской выборки, вторая – адыгейской) показало, что и у русских, и у адыгейских девушек высокая степень совпадения образа Я и идеала (0,85/0,92). У обеих групп достаточно высокая идентификация с идеалом общества (0,79/0,80) и образом матери (0,79/0,70). Индивидуальные идеалы в обеих группах близки к общественным (0,95/0,90). Как индивидуальные, так и общественные идеалы в обеих группах больше похожи на женщину прошлого (0,75/0,68) и (0,81/0,86), чем на женщину будущего (0,58/0,57) и (0,46/0,30).

Образ матери для русских девушек больше всего коррелирует с идеалом Я (0,82), затем с идеалом общества (0,81), с образом себя (0,79), с образом женщины 20 лет назад (0,78) и с образом адыгейки (0,54). А образ матери для адыгейских девушек больше всего коррелирует с идеалом общества (0,83) и с образом женщины 20 лет назад (0,83), а затем с образом себя (0,70) и с идеалом Я (0,68).

Образ адыгейки, с точки зрения русских девушек, больше всего похож на образ женщины 20 лет назад (0,77) и в меньшей степени на идеал общества (0,63), образ матери (0,54), индивидуальный идеал (0,51) и образ себя (0,32). Наименьшее сходство имеет образ адыгейки с образом женщины будущего (–0,1) и презираемой женщины (–0,62).

Образ русской, с точки зрения адыгейских девушек, больше всего похож на образ женщины через 20 лет (0,84) и на образ себя (0,43) и имеет некоторое сходство с образом презираемой женщины (0,20). Образ женщины будущего напоминает образ презираемой (0,45).

Итак, несмотря на то, что образ Я в группе русских девушек чуть больше напоминает образ женщины будущего, чем образ женщины прошлого, идеалы обеих групп (как личные, так и общественные) больше ориентированы в прошлое. Образ матери для русских девушек отчасти похож на образ адыгейской женщины, а для адыгейских девушек имеет отрицательную корреляцию с образом русской. Адыгейская женщина, по мнению русских девушек, — это идеал общества и личный идеал, она не похожа ни на женщину будущего, ни на презираемую женщину. Образ русской, в глазах адыгейских девушек, теснее всего связан с будущим, которое, в свою очередь, напоминает презираемую женщину.

2. Взрослые русские и адыгейские женщины

У русских и у адыгейских *взрослых женщин* степень совпадения образа себя и идеала немного ниже, чем у девушек, но тем не менее достаточно высока (0,80/0,75). У обеих групп также достаточно высокая идентификация с идеалом общества (0,71/0,72) и образом матери (0,77/0,71). Индивидуальные идеалы в группах матерей тоже значительно близки к общественным (0,85/0,93). Индивидуальные и общественные идеалы в этих группах тоже больше похожи на женщину прошлого (0,62/0,57) и (0,57/0,63), чем на женщину будущего. Но в группах девушек сходство идеала и прошлого значительно выше, а идеал и будущее только в группе адыгейских матерей дает отрицательную корреляцию.

Образ матери для русских женщин больше всего коррелирует с образом себя (0,77), с образом женщины 20 лет назад (0,72), идеалом Я (0,59), с образом адыгейки (0,54), с идеалом общества (0,51). Соответствующие цифры немного меньше показателей, полученных в группе девушек.

Образ матери для адыгейских женщин больше всего коррелирует с образом женщины прошлого (0,73), с образом себя (0,71), идеалом общества (0,64), затем с идеалом Я (0,59).

Образ адыгейки, с точки зрения русских женщин, больше всего похож на образ женщины 20 лет назад (0,71), на образ матери (0,54), далее идеал общества (0,40) и индивидуальный идеал (0,40), образ себя (0,38). Наименьшее сходство он имеет с образом женщины будущего (0,02) и презираемой женщины (-0,45).

Образ русской с точки зрения адыгейских женщин больше всего похож на образ женщины через 20 лет (0,76) и на образ презираемой (0,22), одновременно имеет сходство с образом себя (0,22). Образ женщины через 20 лет напоминает образ презираемой (0,46) и отчасти образ себя (0,10).

Группы взрослых женщин больше ориентированы на женщину прошлого, чем на женщину будущего (лишь идеал общества, с точки зрения русских женщин, ближе к будущему, чем к прошлому). Наименее привлекательной кажется женщина будущего адыгейским женщинам, в этой группе сходство образа женщины будущего и образа презираемой женщины наивысшее. Образ матери чуть меньше напоминает идеал, чем в группах девушек.

Несмотря на различие во взглядах друг на друга (сходство позиций «Я и русская/ Я и адыгейка» колеблется от 0,43 до 0,22), образ себя у русских и адыгейских респондентов очень похож: коэффициент корреляции Я составил 0,84 у девушек, 0,73 у матерей; коэффициент корреляции ролевых позиций «мой идеал» — 0,90 у девушек и 0,79 у матерей. Образ себя у представительниц различных поколений также весьма сходный: коэффициент корреляции Я составил 0,81 у русских, 0,82— у адыгеек.

Выводы

1. Декларируемое различие во всех женских группах на самом деле оборачивается сходством. Все женские группы больше ориентированы на женщину прошлого; девушки больше, чем матери, русские девушки больше, чем адыгейские. В образе себя у девушек сходство с будущим выше, чем у их матерей, но идеал женщины — все равно в прошлом.

2. Образ себя у всех женских групп практически совпадает и имеет высокие положительные баллы.

3. Степень идентификации с матерью достаточно высока для всех групп.

4. Образ презираемой женщины не связывается в русских группах ни с одной позицией, в то время как в адыгейских он имеет некоторое сходство с женщиной будущего и с русской женщиной.

3. Мужские группы – взрослые и дети

Индивидуальный идеал женщины, с точки зрения мужчин всех четырех групп, практически совпадает с идеалом общества; степень сходства в группах детей несколько ниже, чем в группах взрослых.

Идеальная женщина, по мнению русских мальчиков, больше всего напоминает мать (0,76), женщину будущего (0,62), меньше женщину прошлого (0,44) и адыгейскую женщину (0,31). У адыгейских мальчиков сходство идеала с матерью (0,90) и с образом женщины прошлого (0,83) выше, а с образом женщины будущего ниже (0,10), чем у их русских сверстников. Образ идеала с образом русской женщины дает отрицательную корреляцию (–0,19).

Образ матери, с точки зрения русских сыновей, больше всего похож на идеал, общественный (0,80) и личный (0,76), на образ женщины прошлого (0,71) и на образ адыгейской женщины (0,52). Образ матери, по мнению адыгейских сыновей, похож на идеал (0,90), на женщину прошлого (0,83) и идеал общества (0,72).

Идеальная женщина, по мнению взрослых (первое число — группа русских мужчин, второе — адыгейских), отвечает идеалам общества (0,94/0,90), похожа на мать (0,73/0,79), на женщину прошлого (0,65/0,79), отчасти на женщину будущего (0,45/0,53). Идеал, с точки зрения взрослых русских мужчин (по сравнению с детьми), меньше похож на женщину будущего, а больше на образ адыгейской женщины (0,48). По мнению русских, общественный идеал чуть больше похож на женщину 20 лет назад (0,71/0,86) и на адыгейскую женщину (0,53), чем индивидуальный и, соответственно, меньше на женщину будущего (0,37/0,50).

Образ матери, с точки зрения русских мужчин, больше всего похож на образ женщины 20 лет назад (0,86) и образ адыгейской женщины (0,66), обнаруживает высокую корреляцию с индивидуальным идеалом (0,73) и идеалом общества (0,73). С точки зрения адыгейских мужчин, он тоже похож на женщину прошлого (0,84), на идеал общества (0,84), на индивидуальный идеал (0,79), но отрицательно коррелирует с образом русской (−0,01).

Образ адыгейской женщины (первое число — взрослые, второе — дети) близок к образу женщины 20 лет назад (0,67/0,58), образу матери (0,66/0,52), имеет сходство с личным (0,48/0,31) и общественным идеалом женщины (0,53/0,40), отрицательно коррелирует с образом презираемой женщины (−0,35/−0,44) и женщины будущего (−0,06/−0,21).

Образ русской женщины (первое число — взрослые, второе — дети) напоминает образ женщины будущего (0,62/0,46) и образ презираемой женщины (0,42/0,39) и имеет лишь некоторую положительную связь с идеалом общества (0,05/0,19).

Идеальная женщина, с точки зрения мужчин, — это мать. Мальчики больше идеализируют и мифологизируют образ матери, чем взрослые мужчины.

Идеальная женщина больше похожа на женщину прошлого, чем на женщину будущего. Будущее тревожит и вызывает опасения.

Идеальная женщина, с точки зрения русских мужчин, и мать очень напоминают образ адыгейской женщины, что придает ему позитивное содержание. Русскую женщину адыгейцы связывают с образом женщины будущего и презираемой женщины, практически не имеющей сходства ни с идеалом женщины, ни с образом матери.

Общие выводы

1. Респонденты всех групп ориентированы на образ женщины прошлого, он кажется им привлекательным, идеализируется. Индивидуальный идеал женщины во всех группах (кроме русских мальчиков) больше похож на женщину прошлого, чем на женщину будущего. Отношение к будущему двойственное: с одной стороны, часть себя относит к будущему (сходство между Я и «женщина будущего» достаточно высоко), и идеальная женщина отчасти похожа на женщину будущего (за исключением адыгейских матерей), а с другой стороны,

идентификация с матерью у девушек достаточно высока, и мать для всех групп испытуемых — это прошлое и идеал.

2. Идеальная женщина — это мать. Поколение детей идеализирует образ матери сильнее, чем поколение родителей, ближе всех образ матери к идеалу для адыгейских мальчиков и русских девочек.

3. Образ адыгейской женщины в группах русских испытуемых несет положительную нагрузку; образ русской в адыгейских группах — скорее отрицательную (причем отрицательный заряд сильнее выражен в мужских группах).

4. Образ себя почти совпадает у русских и адыгеек двух поколений.

5. Взгляды на образ идеальной женщины максимально совпадают у представителей одного пола, одной национальности, но разных поколений. Гендерные представления об идеале женщины внутри одного этноса также достаточно близки друг к другу, хотя их сходство несколько ниже.

Таким образом, на этом этапе исследования можно констатировать, что адыгейские матери однозначно отрицательно относятся к женщине будущего и ориентированы на женщину прошлого. Привлекательность образа женщины прошлого для адыгейских девушек сохраняется почти на уровне их матерей, но вместе с тем возрастает и привлекательность женщины будущего. По направленности образа женщины в будущее они значительно ближе к своим русским сверстницам, чем к своим матерям. Русские матери почти так же идеализируют женщину прошлого, к женщине будущего относятся двойственно, для русских девочек (по сравнению с матерями) привлекательность женщины прошлого немного возрастает, привлекательность женщины будущего немного снижается.

Адыгейские взрослые мужчины больше ориентированы на образ женщины прошлого, чем на образ женщины будущего, к женщине будущего они относятся скорее амбивалентно. Для их сыновей (по сравнению с родителями) образ женщины прошлого более привлекателен, а образ женщины будущего ближе к образу презираемой женщины. Русские взрослые мужчины меньше идеализируют женщину прошлого и женщину будущего, чем их адыгейские ровесники; русские мальчики скорее к женщине прошлого относятся амбивалентно, к женщине будущего — положительно.

Из этого вытекают два вывода:

1. Адыгейские девушки все больше предпочтения отдают женщине будущего. Русские же девушки либо консервативны в своих взглядах, либо даже начинают переориентироваться на женщину прошлого.

2. Идеал адыгейских мальчиков однозначно ориентирован на женщину прошлого, русские мальчики — единственная группа, в которой привлекательность будущего чуть превышает ориентацию на образ женщины прошлого.

Следовательно, как показала данная работа, *гендерные ориентации в исследуемых группах противоположно направлены во времени*. Косвенно этот

результат подтверждает большая идеализация матери именно у групп русских девушек и адыгейских мальчиков.

Библиографический список

1. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
2. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.
3. *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994.
4. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии. М.: Класс, 1998.
5. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988.
6. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
7. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2003.
8. *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.
9. *Хобсбаум Э. Дж.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.